

Почему Горький пишет автобиографию и говорит нам о всех «свинцовых мерзостях дикой русской жизни»? Он сам отвечает на собственный вопрос в первом томе: «...это стоит сделать... ибо это — живучая подлая правда, она не издохла и по сей день. Эта правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжелой и позорной». И дар писателя помог ему возвести реально существующие мерзости в ранг литературно-художественного открытия, потрясающего правдой, как и изображение им собственного детства. Он господствует над фактом, не искажая его, воспроизводя его в образах, понятных нам, он превратил свое собственное почти невыносимое детство в общезначимую историю развития души. Однако его мемуары не мучительное выкорчевывание прошлого, но, скорее, свободнейшее выражение одного из самых чувствительных и энергичных умов нашего времени. Богатство его дарования почти подавляет. Запоминающиеся, пронизанные глубоким чувством эпизоды следуют один за другим, и вот у вас появляется желание получить некое обобщающее объяснение, подсказанное зрелостью и мудростью, о судьбах и перспективах бездны, из которой он вышел. Он дает нам надежную путеводную нить, говоря, что, хотя изображаемые им ужасы «угнетают и давят нас, до смерти расплуживая множество прекрасных душ,—русский человек все-таки настолько еще здоров и молод душою, что преодолевает и преодолевает их.

Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодovit и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе — человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

Эта неистребимая надежда — свойство чисто русское, она дошла до нас во множестве высказываний. Именно это ощущение созидательной органичной силы помогло Горькому сохранить в памяти вещи, которые она обыкновенно стремится упрятать в глубинные пласты забвения. Но удивительно, как он сумел выбраться из ада жизни на дне не затронутым горечью и презрением. Откровенные описания народа, его буйных жестоких драк не имеет у Горького ничего общего с грубостью. Они художественно правдивы. Не многим удавалось достичь подобного равновесия между реализмом изображения и сочувствием

художника. Горький не щадит, но и не уничтожает своих героев. Его обуревают страсти, но они не проявление склонности к насилию, а, пожалуй, следствие неутомимой жажды жизни и избытка любви к людям, которая всегда прорывается сквозь темпераментность описания. Стойкость души Горького уходит корнями в неистребимую жизнеспособность бабушки с ее возвышенной речью, ее всепрощением, ее радостным восприятием чисто чувственной щедрости мира. Именно поразительная живучесть ее души оказала «яркое, здоровое и творческое» влияние, напитавшее ум и сердце Горького. Она не подавляла ребенка, ее великодушие, тепло ее сердца не дали мальчику возненавидеть жизнь, которую он вел. Он чуждался этой жизни, чувствовал к ней отвращение, мечтал попасть в другой, более честный и цельный мир, который с помощью книг рисовало его воображение. Жизнь на дне не ожесточила его чувствительного ума, вот почему она так великолепно запечатлена в прекрасных главах «Детства», сейчас продолженных вторым томом книги, «В людях».

«Детство» закончилось смертью непонятной ему и патетически изображенной матери. Ребенок отправлен дедом в люди, чтобы зарабатывать на хлеб. Жизнь мальчика на побегушках в модном обувном магазине Нижнего Новгорода, мойщиком посуды на волжском пароходе, учеником в иконописной мастерской, прерываемая краткими периодами рабства в доме родственников и свободы в доме бабушки,— эта жизнь ребенка напоминает о росте крепкого побега в хорошо удобренной земле. Кажется, словно какой-то волшебный закон руководит его созреванием в грязи безнравственной жизни. Он сохраняет необычную чистоту потому, что «отношения полов в их грубой форме слишком часто и назойливо лезли в глаза, слишком обижали» его самого и его подругу.

Он восстает против скудоумия, царящего в школе, но неутомимо охотится за книгами, несмотря на все тягостные унижения, оскорбления и тревогу, которые его быстро развивающаяся эмоциональность приносила ему в заурядной семье вздорных родственников, на которых он работал. Гонкуры, Бальзак и Вальтер Скотт, поглощенные им в массе макулатуры, открыли ему жизнь лучшую, чем та, какую он знал, с ее грязью и ее бессмысленной жестокостью. Его чувство вкуса раздражают традиционные романы, в которых добродетель с неизбежностью вознаграждается, а порок наказывается. Он на ощупь постоянно ищет правды, он утверждает в собственной искренности, он всегда настойчиво стремится прочувствовать идеи, испытать эмоции, родственные ему самому. Именно эта нить проходит сквозь всю горькую, бесцельную работу детства. Его духовное одиночество почти некому облегчить, за исключением аптекаря, знающего значение непонятных слов, хрупкой маленькой жены портного, читающей дни напролет и одалживающей ему книги, и прекрасной и порочной «Королевы Марго», у которой имеются книги великих писателей для этого угрюмого, голодного мальчика.

Он в поисках и во время отвратительного путешествия на пароходе, и в городских лачугах, когда окружен толпами несуразных и страшных людей, постоянно действующих на нервы. Как он сам говорит: «Вокруг меня варилась какая-то грязная каша, и я чувствовал, что потихоньку развариваюсь в ней... Жизнь упрямо и грубо стирала с души моей свои же лучшие письма, ехидно заменяя их какой-то ненужной дрянью,—я сердито и настойчиво противился ее насилию, я плыл по той же реке, как и все, но для меня вода была холоднее, и она не так легко держала меня, как других». Однако он не утонул, и его душа не растворилась в грязи. Не пытался он и пересоздать одурманивающий мир с тем подобием самодовольства, которое, обнаружив, что мир слишком страшен, уводит человека в сферу фантазии и тем примиряет с существующим миром. В том-то и заключается чудесная сила его творений, что они отмечены не эскейпизмом и отстранением от реальности, но, напротив, плотной с нею связью и ее глубоким постижением. Жизнь не стерла лучшие письма с его души. Но возникает вопрос: были ли его впечатления столь глубоки, что память сохранила подробнейшие детали разговоров и происшествий, о которых он рассказывает? Возможно, память его не всегда точна, но в его произведениях нет страниц, не проникнутых неотвратимой правдой, сколь бы мимолетно ни было изображаемое событие. А это задача любого художника слова: Горький же, безусловно, настолько художник, чтобы все, что он говорит, было правдой. Из обломков человеческого существования его гений создал одну из величайших литературных историй жизни.

1917 г.